

УДК 81'42

UDC 81'42

Смирнова Ульяна Викторовна
Московский городской университет
г. Москва, Российская Федерация
Uliana V. Smirnova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
yanasmirnova@hotmail.com

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСА В РЕЖИМЕ
РЕПРЕССИВНОЙ ПОЭТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА
ОБРАЗА «ДЕВОЧКА НА КОНЬКАХ»)
«THE GIRL ON SKATES»: CONSTRUCTING DISCOURSE BY THE LAW OF
REPRESSIVE POETICS**

Аннотация

В статье предлагается пример лингвистического анализа репрессивного поэтического образа «девочки на коньках», созданного В. Шендеровичем. Статья носит в большей степени эмпирический, нежели чем теоретический характер. Это обусловлено необходимостью представить лингвистическое осмысление и иллюстрацию введённого Ю. М. Соболевым философского термина «репрессивный поэтический образ», обладающего большим потенциалом в отношении анализа технологии конструирования политического, рекламного, массмедийного дискурсов. Перспективное единство восприятия образа «девочки на коньках», конструируемое с помощью ключевой метафоры «гениальная девочка повышает наши шансы отбросить коньки», не совпадает с видимой перспективой восприятия Юлии Липницкой, олимпийской чемпионки по фигурному катанию (2014 г.). Ракурс смещает восприятие с индивидуальных характеристик к более абстрактным идеям, например, таким, как «красота и профессионализм служат целям пропаганды». Поэтическая образность является средством навязывания своего круга интерпретации при помощи репрессивного подавления других интерпретант.

Abstract

Drawing from discourse analysis of the repressive poetic image "the girl on skates" constructed by V. Shenderovich, this article considers possible ways to study linguistic techniques that are used to produce effective political, advertising and mass media discourses. This article provides linguistic analysis based on the philosophic notion "repressive poetic image" introduced by Yu. M. Sobolev and it is more an illustrative and practical research than a theoretical one. The entity "the girl on skates" is perceived from the perspective of the metaphor "the genius girl raises our chances to turn up our toes" (in Russian skates are used in this idiomatic expression: to turn up our skates). This does not coincide with other possible perspectives of perceiving Julia Lipnickaya, figure skating gold medalist at the 2014 Winter Olympics. The focus is shifted from individual features to more abstract ideas, such as "beauty and professional sport serve the goals of propaganda". Poetic imagery is a means of imposing your circle of interpretation by repressing and oppressing other interpretants.

Ключевые слова: технологии воздействия, репрессивная поэтика, репрессивный поэтический образ, В. Шендерович, «девочка на коньках».

Keywords: linguistic techniques, repressive poetics, repressive poetic image, V. Shenderovich, "the girl on skates".

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_149_158

1. Введение

В статье предпринимается попытка обозначить возможные инструменты анализа технологий конструирования дискурса воздействия. По нашему мнению, весьма перспективным в этом отношении является понятие «репрессивного поэтического образа», предложенного Ю. М. Соболевым, Е. Н. Викторук в философском ключе и развитого в данном исследовании лингвистически.

В теории репрессивного поэтического образа [Соболев, 2008 ; Викторук, 2009] речь идёт об оформлении идеологических смыслов в высоко поэтические образы, которые в отличие от истинных поэтических образов являются не средством свободного выражения, но манипуляционным способом подавления «иног».

Почему говорится о поэтике как средстве репрессивного манипуляционного воздействия? Причина кроется в особом языке поэтики. Если отталкиваться от понимания поэтики в философии, то её можно трактовать как «высшую форму всякого языка» (М. Хайдеггер), как художественное творчество, в основе которого лежат образное мышление и творческое вдохновение (Платон), как практическое средство облагораживания человека (Аристотель). Поэтому поэтику можно и необходимо трактовать как феномен культуры, способный пролить свет на механизм создания «идеологических масок, скрывающих смыслы, отличные от репрезентированных» [Викторук, 2009, с. 4]. Ключевыми при лингвистическом анализе здесь становятся следующие моменты.

1. Поэтика создаёт язык.

Поэтический язык существует как «высокое» искусство слова. И здесь мы в первую очередь говорим о творимом поэтом новом языке образов и обращаем внимание на авторские «неологизмы», когнитивные механизмы создания которых будут указывать, какие образы станут центральными при репрессии других горизонтов интерпретации.

2. Поэтические законы требуют высокой степени организованности языка.

Основными характеристиками поэтического языка являются ритм и порядок знаков. Так, рассуждая на тему отличия поэтики от других жанров и апеллируя к исследованиям Ю. Лотмана, Р. Якобсона, Б. МакХейла, Л. Комуцци отмечает, что когнитивный механизм поэтического воздействия кроется исключительно в особенностях поэтических конструкций – «formal structures that are noticeably measured and rhythmical» [Comuzzi, 2012 / 2014].

3. При формировании поэтической реальности главенствующую роль играет образ.

«Посредством образа поэтика переводит изображаемый ей предмет или событие из внешнего мира во внутренний, даёт внутренней жизни излиться в предмет, охватить и пережить его изнутри, сделать его своей частью» [Викторук, 2009, с. 31].

4. Поэтика снимает вопрос истинности или ложности.

Поэтическое не поддаётся обвинениям в манипуляции или лжи, поскольку заведомо является альтернативным возможным миром, что, однако, не умаляет силу его воздействия.

Для лингвистической иллюстрации центральных положений философского взгляда на репрессивный поэтический образ возьмём статью В. Шендеровича «Олимпийская война: Путин и девочка на коньках» от 10 февраля 2014 года [Шендерович, 2014] и рассмотрим созданный им образ «девочки на коньках».

2. Лингвистический анализ репрессивного поэтического образа

Имя олимпийской чемпионки 2014 г. Юлии Липницкой хорошо знакомо адресату дискурса, но намеренный отказ говорящего от конкретной референции и оперирование конструкцией «девочка на коньках» не просто стилистический приём. Следует рассу-

ждать о желании сделать знак референциально и семантически диффузным и, как следствие, наполнить его теми смыслами, который автор стремится репрессивно донести в своём дискурсе. Анализ покажет, что создаваемый автором образ «девочки на коньках» репрессивен, т. е. призван подавить иные, кроме авторской, интерпретации с помощью особых средств языка, которые будут выявлены при анализе.

Выбор экзистенциональной референции «*некая девочка, обладающая рядом признаков*» есть первый и основной шаг в создании репрессивного поэтического образа «девочки на коньках», символизирующего, по мысли автора, процессы, происходящие в российском обществе и политике. Отвлечённый характер образа «родная пятнадцатилетняя красавица на коньках», «гениальная девочка, взлетающая на коньках» призван увести адресата от интерпретации событий, связанных фамилией и именем, конкретным местом и временем, и придать дискурсу игровой характер.

На первый взгляд этот образ изоморфен, т. е. мы наблюдаем объект, реконструируемый тождественно объекту действительности. Но также очевидно, что этот образ одновременно является и метафорой, и аллегорией. Сложность этой метафоры открывается в высказывании «гениальная девочка ... повышает наши шансы отбросить коньки». Актуализируемая фразеологическая модель «отбросить коньки / откинуть копыта / протянуть ноги», семантика которой сводится к грубо-просторечному «умереть, подохнуть, загнуться», реализует метафору образа: выполняющая сложные фигуры на коньках фигуристка приводит к гибели страны. Игра знаков построена во многом на том, что в синтаксис вовлечены антонимические связи физического движения вверх и метафорического движения вниз: взлетать, прихватывать вверх, повышать VS. отбрасывать коньки (падать, умирать), где конёк является главным операционным элементом в выстраиваемой дискурсивной цепочке.

Используя теорию обратной перспективы П. А. Флоренского (как особую систему изображения и восприятия действительности православных икон [Флоренский, 2000]), мы видим, что создаётся особое перспективное единство восприятия образа, которое не вполне совпадает с возможной видимой перспективой восприятия реального объекта. Ракурс рассмотрения фигуры смещает внимание с индивидуальных характеристик субъекта к более абстрактным идеям и свидетельствует о стремлении автора активировать особое эмоциональное отношение, высветить на интенциональном горизонте интерпретатора сложный пучок связей: красота и профессионализм, которые губят страну; молодость и талант, используемые в пропагандистских целях.

Образ девочки на коньках осложняется особыми отношениями, которые устанавливаются между ним и словесным образом немецкого нациста – толкателя ядра. Это способствует привлечению в поле интерпретации смыслов, связанных с фашизмом, смертью и кровью: *Мне очень нравится эта девочка на коньках. Очень! Но если бы вы знали, как нравился берлинцам летом 1936 года толкатель ядра Ханс Вельке, первый немецкий чемпион в лёгкой атлетике, улыбчивый парень, красавец, символизирующий молодость новой Германии.*

Через актуализацию сопровождающего образа, осуществляемую посредством синтаксического повтора глагола чувств «нравится», открывается та связь, которую автор вводит как прямое отношение между абстрактной идеей и свойствами конкретных объектов. Единными свойствами объектов являются внешняя красота, талант, улыбка: «родная пятнадцатилетняя красавица на коньках» и «первый немецкий чемпион в лёгкой атлетике, улыбчивый парень, красавец». Внешний вид очень важен, поэтому и выбирается глагол чувств *нравится* с его преимущественной семантикой симпатии / расположения / приятия, основанной на внешнем визуальном восприятии. Автор подчёркивает, что внешний вид объектов, составляющих образ, является неотъемлемым

атрибутом раскрываемой им цели их истинного существования. Осуществляется семиотическая попытка создать идеологический знак-миф по Р. Барту [Барт, 1994]: целостный знак «девочка на коньках» становится означающим для вкладываемого идеологического содержания «молодость, красота и спортивные таланты скрывают нечто очень важное; они служат пропаганде государственной политики»¹.

Образ – это всегда личностное переживание, с помощью поэтических средств языка автор находит возможность личностному и субъективному отозваться на горизонте интенциональности Другого². Этой цели и служит реактуализация времени культуры нацизма, остро отзвывающееся в нашей архетипической памяти.

Создание особо чувствительных очагов на интенциональном горизонте интерпретатора при помощи синтаксических связей, соединяющих элементы разных времён культуры, является весьма распространённым. Сравним идентичную связь, указывающую на пропаганду политической повестки дня в спортивных мероприятиях, на примере высказывания из оппозиционного дискурса в Америке. Известный теоретик разных заговоров А. Джонс, утверждает, что Обама использует спортивное событие в качестве средства агитации [Jones, 2013]. При этом он апеллирует к тому же самому прецедентному событию, которое упоминает автор, рассматриваемой нами статьи, – Олимпийским играм в 1936 году в Мюнхене:

Alex Jones, who last made headlines with a notorious anti-gun control rant on Piers Morgan's show, said the NFL's decision proved the league was "anti-family," "anti-liberty," and "anti-American." Worse yet, Jones said, the NFL was in cahoots with the imperialistic Obama Administration, which is using the Super Bowl as a venue for political propaganda, just like Hitler did with the 1936 Munich Olympics [Winkler, 2013] – 'Алекс Джонс, не так давно попавший в заголовки газет после шоу Пирса Моргана и своей гневной тирады в защиту свободного владения оружием, заявил, что решение НФЛ (Национальной футбольной лиги) свидетельствует о том, что лига выступает против ценностей семьи, ценности свободы и всего американского. Более того, он обвинил лигу в том, что она находится в сговоре с империалистической администрацией Обамы, использующей Супербоул в качестве площадки своей политической пропаганды точно так же, как Гитлер использовал Олимпийские игры 1936 года в Мюнхене' (перевод наш – У. С.).

Поэтическая образность является инструментом, способствующим навязыванию своего способа интерпретации. В рассматриваемом нами дискурсе поэтика концентрируется вокруг центрального образа девочки на коньках, аллегория и символизм которого раскрываются с помощью поэтизации интегрированных в его структуру признаков «шизофрения», «текущая кровь» «варево ведьм». Они являются своеобразными мета-концептами, применимыми, по мысли автора, ко всему строю российской жизни и внутренне ему присущие. Так, например, шизофрения концептуализирует вводимое в дискурсе раздвоение на «их государство» и «твою страну», в котором знак Родина выносится за пределы понимания семантики знака «твоя страна» и включается в чужое, «их» пространство административной власти:

Гражданская олимпийская война, разразившаяся в «Фейсбуке» ещё во время церемонии открытия, выявила обнажённый нерв вечного вопроса: где кончается их госу-

¹ Знак-миф, по Р. Барту, состоит из знака первой системы, который становится означающим во второй системе, и идеологического содержания; наш пример созвучен с приводимым Р. Бартом изображением «молодого африканца в военной форме на обложке журнала «Пари-Матч», который берёт под козырёк и глядит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг», связываемым с идеологическим смыслом «Франция – великая империя, все сыны которой, независимо от цвета кожи, верно служат под её знамёнами» [Барт, 1994].

² Под Другим в статье, вслед за М. М. Бахтиным, М. Бубером, Х.-Г. Гадамером, понимается «ты», т. е. собеседник, чьё присутствие необходимо для обретения собственного «Я» [Бахтин, 1986 ; Бубер, 1993 ; Гадамер, 1988]).

дарство и начинается твоя страна? Толстой, конструктивисты, Гагарин с Королёвым, а ты сидишь, нос воротишь? – да ты Родину не любишь! Встречный вариант: Чечня, Магнитский, Путин с «питерскими», воровство с узурпацией, а ты сидишь, пускаешь слюни разноцветными колечками? Во время таких церемоний хорошо быть круглым идиотом, чтобы и гармония была полной. У мало-мальски рефлексующего человека душа, конечно, идёт на разрыв [Шендерович, 2014].

Здесь, как и далее в дискурсе, задействуются основные прототипические признаки концепта шизофрении «расщепление рассудка» и «раздвоение личности». Эти признаки находят свою реализацию в семантике, прагматике и синтаксисе дискурса. Семантика психической болезни, ведущей к раздвоению, к расстройству психики, онтологизируется в метафорах «душа на разрыв», «сидишь, пускаешь слюни разноцветными колечками», в идиоме «хорошо быть круглым идиотом». Обратим внимание на творческий характер этих метафор, явившийся результатом нового синтаксиса устойчивых в языке фразеологических оборотов. «Душа разрывается» значит испытывать глубокую тоску, печаль, боль. «Душа идёт на разрыв» в большей степени означает когнитивный диссонанс, вызванный столкновением конфликтных представлений о происходящем в стране; в дискурсе непосредственно соотносится не с печалью, а с шизофренией сознания. «Пускать слюни» значит желать чего-то очень сильно, например, съесть или получить. «Пускать слюни разноцветными колечками» создаёт образ психически больного человека, при этом подчёркивается слабоумная восторженность и наивность субъекта. «Пускаемые разноцветные колечки» семантически связаны с дескрипцией «круглый» в характеристике «круглый идиот», что является маркером дальнейшего семантического и синтаксического развития метафоры.

Метафора органически связана с поэтическим видением мира, однако творимая в поэтическом дискурсе метафора по сути репрессивна. Разворачивая метафоры в тексте, автор создаёт особую прагматику всего дискурса, которую можно характеризовать как осуждение искажённого, идиотичного, слабоумного восприятия окружающей действительности. При соединении нескольких метафор в одну метафорическую систему формируется более общая метафора русского человека подобного идиоту, любующемуся успехами русской спортсменки и не понимающему истинное назначение её действий.

Очень важным моментом является то, что автор апеллирует к разуму, поскольку рефлексия – это рациональный мыслительный процесс, но синтаксически связывает рациональное с аффективным: *У мало-мальски рефлексующего человека душа, конечно, идёт на разрыв.* Таким образом, порядок построения дискурса дискурсивно-логический, а средства – мифо-поэтические, сводящие все интерпретанты в единый фокус. Противоречие скрыто в самом дискурсе и задаётся позицией контролирующей системы. Адресат вводится в круг психической болезни, заблуждения, выбора в интерпретации событий, но с помощью оценки, рассеиваемой в синтаксисе, скрытой аргументации ему словно открываются глаза на единственно правильную интерпретанту. Адресат находится внутри круга шизофрении, а контролёр находится вовне. Контролёр видит «истинное положение» дел и раскрывает его для адресата. «Мало-мальски» как аргументативный модификатор утверждает, что даже в очень маленькой степени способные анализировать люди должны осознавать аспекты действительности, которые намеренно означиваются метафорически: «варево ведьм», «душистые травы для одурманивания человека», «ведьмин рецепт», «кликушеская череда праздников», «клятые интеллигенты, побивающие себя в кровь собственными цепями».

Концепт шизофрении последовательно реализуется в структуре псевдиалога, фиксирующего раздвоение личности на «их государство» и «твою страну». Обратим внимание на то, что в конструируемом диалоге личное местоимение «ты» играет слож-

ную роль. С одной стороны, оно относимо к говорящему, позиция которого не совпадает с наблюдателем; говорящий говорит о себе от второго лица и воспроизводит возможный диалог между собой и неким оппонентом. Однако более вероятно, что, выбирая синтаксическую структуру «а ты сидишь, нос воротишь..., да ты Родину не любишь,... а ты сидишь, пускаешь слюни...» вместо «вы мне говорите..., а я вам отвечаю...», говорящий создаёт образ обобщенно-личностного субъекта и фокусирует внимание на вводимое в дискурсе шизофреническое раздвоение, где «встречный вариант» в диалоге может быть охарактеризован как раздвоение психики.

Вся конструкция дискурса демонстрирует несколько ключевых модусов, разворачиваемых вокруг миров, поддерживаемых сложной системой личных местоимений. С помощью личных местоимений создатель дискурса маневрирует между набрасываемыми проекциями смысла и сдвигает горизонт интерпретации адресата в нужном ему направлении. Выявляются три структурных блока:

– «они и ты», маркируемое размышлениями о поиске себя внутри концепта «ШИЗОФРЕНИЯ», вводимого через разделение на «твою страну» и оппозиционное пространство, которое можно обозначить как «Путин, его администрация, Чечня, дело Магнитского»;

– «я», в котором когнитивная схема шизофрении воспроизводится вновь, но разворачивается изнутри феноменологического мира внутреннего времени Эго говорящего; наблюдатель и говорящий сливаются и вновь расходятся (Могу ли я не радоваться, не гордиться и не желать/ Могу ли я не понимать/ Могу ли я радоваться/ Вот и живи теперь в шизофрении);

– кульминационное «мы» («что-то, однако, мешает нам сегодня радоваться его победе»; «наши шансы отбросить коньки»), которое становится ритмическим итогом дискурса и объединяет «твою» и «мою» интерпретанты в замыкающей круг метафоре «наши шансы отбросить коньки».

Автор дискурса остаётся участником беседы, но не выводится как контролёр, руководящий процессом интерпретации. Например, в кульминационном высказывании «вот и живи теперь в шизофрении», оставаясь вовне, контролёр сводит воедино разные уровни:

– пространственный (здесь, в России);
– темпоральный (сейчас, во время Путина);
– нарративно-речевой (высказывается итог противоположных взглядов на объект, обращённый к обобщенно-личностному Другому, сформулированный ритмически в восходяще-нисходящей градации; речевой акт директива, иллокутивная сила побуждения в котором скрывает два разнонаправленных вектора: делай и не делай так, как говоришься в пропозиции);

– модальный (в рамках императивной модальности утверждается некое положение вещей во внутреннем мире Другого – «конфликт сознания», даётся критически-негативная оценка экстралингвистическому контексту и имплицитно устанавливается установка адресата на понимание истинного положения дел).

Подобная позиция контролёра сродни точке зрения как объективной единицы анализа дискурса, вычленение которой демонстрирует когнитивную логику его формирования [Татару, 2009].

Отличительной чертой синтаксиса дискурса являются параллельные конструкции, которые обеспечивают ритм. Симметрия таких конструкций, которая создаётся с помощью повторения того же самого порядка знаков при приблизительно равном числе знаков в следующих друг за другом предложениях, давно известное и очень эффективное средство воздействия в поэтике. В рассматриваемом дискурсе в композиции также постоянно присутствуют повторы и антитеза, в сочетании с параллелизмом создающие

особый эффект восходящей градации (в литературной терминологии – климакса), в то время как замыкающее высказывание представляет собой ряд нисходящей градации (антиклимакса):

Могу ли я не радоваться русскому алфавиту, не гордиться причастностью к уникальной цивилизации и не желать золота родной пятнадцатилетней красавице на коньках?

И могу ли я не понимать, что Лев Толстой, конструктивисты и пятнадцатилетняя красавица на коньках призваны сделать так, чтобы мы в восторге упоенья напрочь забыли о текущем воровстве и текущей крови?

Могу ли я радоваться тому, что Путин припахал Льва Толстого, и граф исправно выполняет важную административную задачу?

Вот и живи теперь в шизофрении [Шендерович, 2014].

Рассуждая о создаваемых параллельных конструкциях, можно говорить о когнитивном моделировании синтаксиса. Манипулятивный потенциал дискурса скрывается именно в моделируемом синтаксисе, который нарушает естественный ход образования синтаксических конструкций. В теории и практике структура высказывания отражает понимание говорящим структуры действительности и реализует в синтаксической форме «мир, увиденный и понятый носителями языка» [Когнитивные категории, 2009]. Появление синтаксической конструкции подчиняется определённому когнитивному закону: первична прагматика говорящего, ориентирующегося в данной конкретной ситуации на действие, деятеля, состояние объекта, свойство и т. д.; за прагматикой следует семантика, в процессе закрепления которой определяются смысловые блоки; цикл завершается выбором наиболее оптимальных для передачи этого смысла конструктивных возможностей синтаксиса [Когнитивные категории, 2009]. В этом наше принципиальное отличие от исследователей, полагающих, что ориентиром манипуляционных исследований является выбор лексики [напр., Борисова, 2016].

При манипуляции эксперт начинает с синтаксиса, который становится некой когнитивной картой для проведения необходимой семантики и прагматики. Параллельные конструкции характерны для сакральных текстов, но мы знаем, что в подобных текстах состояние знака таково, что близкое соположение знаков указывает на родственную связь референтов этих знаков в мире. Тот же самый когнитивный эффект необходим и при манипуляции.

Для дискурса Шендеровича характерна сопряжённость шизофрении восприятия действительности с физическим насилием – «обнажённый нерв», «душа на разрыв», «текущая кровь», «побивать себя в кровь», «патриотическое живое». Тема физической боли поддерживается прецедентными именами лагерей пыток. Свойства объектов, составляющих референты *Дахау*, *Ковентри*, *Хатынь*, русскоговорящим адресатом переживаются очень остро. В этом случае нет, и не может быть расхождений в интерпретации. Вводя в создавшееся интенциональное поле другие знаки, можно добиться эффекта иррадиации, под которой мы понимаем проекцию переживания значимых прецедентных событий на горизонты интерпретации других событий. Как и в оптике, где иррадиация описывает оптический обман зрения, возникающий при зрительном восприятии фигур на контрастном фоне, так и в дискурсе особое синтаксическое размещение знаков прецедентных феноменов определяет условия интерпретации других знаков. Поэтому синтаксическая последовательность ряда знаков, включающая названия нацистских лагерей пыток, и знаков «спортивная победа», «спортивный подвиг», настолько эффективна в своём воздействии: *Что-то, однако, мешает нам сегодня радоваться его <немецкого чемпиона в лёгкой атлетике> победе. Не иначе, мы в курсе итоговой цены этого спортивного подвига – цены, в которую вошли и Дахау, и*

Ковентри, и Хатынь, и Ленинград... Не по вине Ханса, разумеется, но так получилось, что он поспособствовал [Шендерович, 2014].

Определённая закономерность синтаксического оперирования знаками устанавливается также при соположении прецедентных имён политических деятелей современности и исторических мифологических фигур: *Олимпиада, разумеется, отличный для них случай закосить под Родину: какой там Сечин с Чуровым, какой там Бастрыкин... – Кирилл и Мефодий, Барма и Постник, Королёв и Гагарин!* [Шендерович, 2014].

Сам выбор знаков, как представляется, сделан на основе рифмы и созвучия. Синтаксис таков, что, будучи соположенными именам политиков, знаки-мифы лишаются устойчивого прецедентного контекста и теряют свое высокое предназначение. Стоит задуматься о десакрализации знаков, имеющих большую значимость в русской картине мира. Справедливо будет заметить, что десакрализация собственно направлена не на обесценивание сакральных образцов русской культуры, но столь свободный синтаксис знаков приводит к ощущаемой десакрализации самой мировоззренческой установки на патриотизм, на любовь к своей Родине. Синтаксис свидетельствует о том, что со знаками обращаются не как с символами («припахать Льва Толстого»): *Могут ли я радоваться тому, что Путин припахал Льва Толстого, и граф исправно выполняет важную административную задачу?* [Шендерович, 2014]. Идёт не вытеснение и замещение знаков [Бубнова, 2015], но их символическое обесценивание, и инструментальная позиция символов лишь свидетельствует об этом.

Предлагаемый автором игровой механизм обращения со знаками позволяет рассуждать о демифологизации. Но не в смысле демифологизации Р. Бульмана, когда бы автор стремился показать в чём вечное непреходящее содержание нарративов этих исторических лиц, независимое от любой политической конъюнктуры. Демифологизация направлена на место концепта «патриотизм» в системе ценностей субъекта. Обнаруживаемые в дискурсе интерпретанты знака «патриотизм» подавляются оценкой и высоко поэтичны: испытывать патриотические чувства означает подвергнуться воздействию «варева ведьм», «душистых травок для одурманивания», «ведьминого рецепта» [Шендерович, 2014]. Патриотические праздники получают дескриптив «кликунский», что в свою очередь отсылает к порче, колдовскому влиянию, в результате которого возникает «истерия» [Шендерович, 2014]. Употребление высказываний из концептуального поля «ПАТРИОТИЗМ» получает предикативную функцию «закосить под Родину», «мимикрировать под Родину».

Формально дискурс разворачивается вокруг конструкта Другого, раздираемого противоречиями, отсюда и употребление концептов шизофрении, метафор боли и колдовского воздействия. Контролёр, руководящий процессом интерпретации, этими противоречиями не страдает и нацелен на ликвидацию всех альтернативных интерпретаций.

3. Заключение

Завершая статью, необходимо отметить, что раскрытие механизмов репрессивной поэтики можно осуществить лишь на экспертном уровне. Адресат дискурса не производит столь сложный анализ дискурса, а обращается к своим фоновым знаниям, что должен учитывать автор, желающий достичь нужного коммуникативного эффекта: все смыслы считываются им на уровне архетипов, мифов, знаков прецедентных феноменов. Но общая поэтика раздражает и задевает, а в этом и заключается самая главная цель – в манипуляции эмоциями и чувствами. Снижая и низводя высокое, он не предлагает ничего взамен, а это деструктивно для субъекта. Автор провоцирует ценностную эрозию и лишает субъект принципа идентификации.

Образ, будь то поэтический или репрессивно-поэтический, не способен и не призван зеркальным образом изображать объект действительности. Образ представляет собой личностное переживание и служит организующим центром для любого поэтического произведения. То же самое замечание справедливо для репрессивной поэтики, но с одной лишь оговоркой о том, что автор образа в данном случае является технологичным конструктором: все его знания по воздействию на адресата реализуются в лингвистических конструкциях с определённой логикой построения. Репрессивный образ является концептуальным стержнем экспертной организации и рассеивания смыслов.

Список литературы

- Барт, 1994 – Барт, Р. Миф сегодня [Текст] / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 72–130.
- Бахтин, 1986 – Бахтин, М. М. К философии поступка [Текст] / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984–1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80–160.
- Бубер, 1993 – Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер; пер. с нем. Ю. С. Терентьева, Н. Файнгольца; послесл. П. С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1993. – 175 с.
- Бубнова, 2015 – Бубнова, И. А. Эволюция русской языковой личности [Текст] / И. А. Бубнова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2015. – № 3 (19). – С. 34–41.
- Борисова, 2016 – Борисова, Е. Г. Лексическая номинация в информационных войнах [Текст] / Е. Г. Борисова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2016. – № 1 (21). – С. 61–65.
- Викторук, 2009 – Викторук, Е. Н. Репрессивная поэтика как феномен культуры [Текст]: / Е. Н. Викторук, Ю. В. Круглов, Ю. В. Соболев. – Красноярск: СибГТУ, 2009. – 161 с.
- Гадамер, 1988 – Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
- Когнитивные категории, 2009 – Когнитивные категории в синтаксисе [Текст] / под ред. Л. М. Ковалевой. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – 249 с.
- Соболев, 2008 – Соболев, Ю. В. Репрессивная поэтика как феномен культуры [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Соболев Юрий Викторович; Сибир. гос. технол. ун-т. – Омск, 2008. – 22 с.
- Татару, 2009 – Татару, Л. В. Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф) [Текст]: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Татару Людмила Владимировна; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2009. – 419 с.
- Флоренский, 2000 – Флоренский, П. А. Обратная перспектива [Текст] / П. А. Флоренский // Священник Павел Флоренский. Соч. в 4-х тт. – Т. 3 (1). – М.: Мысль, 2000. – С. 46–98.
- Шендерович, 2014 – Шендерович, В. Путин и девочка на коньках [Электронный ресурс] / В. Шендерович. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/shenderovich/1255508-echo/> (режим доступа свободный).
- Comuzzi, 2012/2014 – Comuzzi, L. Lyric Poetry as a Narrative Speech Genre: On the dialogue between genre theory and cognitive science [Electronic resource] / L. Comuzzi // Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology (AJCN). – 2012/2014. – N 7–8. – URL: http://cf.hum.uva.nl/narratology/issue/7/a12_Ludmila_Comuzzi.html (дата обращения: 25.07.2019).
- Jones, 2019 – Jones, A. NFL faces national protest [Electronic resource] / A. Jones // INFOWARS. – 2013. – URL: <http://www.infowars.com/nfl-faces-national-protest/> (дата обращения: 10.07.2019).
- Winkler, 2019 – Winkler, A. Gun nuts find a new target: The NFL [Electronic resource] / A. Winkler // The New Republic. – 2013. – URL: <http://www.newrepublic.com/article/115834/nfl-bans-gun-ad-two-americas-favorite-things-go-war> (дата обращения: 15.07.2019).

References

- Barthes, R. (1994). Mif segodnya [Myth today]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected papers: Semiotics. Poetics] (pp. 72–130). Moscow : Progress Press, Univers Press.
- Bakhtin, M. M. (1986). K filosofii postupka [On the philosophy of a deed]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and sociology of science and technology]: A yearbook, 1984–1985 (pp. 80–160). Moscow : Nauka Press.
- Buber, M. (1993). Ya i Ty [I and Thou]. Translated from German by Yu. S. Terent'ev and N. Fayngol'ts, afterword by P. S. Gurevich. Moscow : Vysshaya shkola. (First published in 1923 in German).
- Bubnova, I. A. (2015). Evolyuciya russkoy yazykovoy lichnosti [Evolution of the Russian language personality]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Vestnik of Moscow City Teacher Training University. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 3 (19), 34–41.
- Borisova, E. G. (2016). Leksicheskaya nominatsiya v informatsionnykh voynakh [Lexical nomination in information wars]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Vestnik of Moscow City Teacher Training University. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 1 (21), 61–65.
- Viktoruk, E. N., Kruglov, Yu. V., Sobolev, Yu. V. (2009). *Repressivnaya poetika kak fenomen kul'tury* [Repressive poetics as a phenomenon of culture]. Krasnoyarsk : Siberian State Technological University Press.
- Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod: osnovi filosofskoy germeneytiki* [Truth and method: The concept of philosophical hermeneutics]. Translated from German (pp. 5–36). Moscow : Progress Press.
- Kovaleva, L. M. (Ed.). (2009). *Kognitivnye kategorii v sintaksise* [Cognitive categories in syntax]. Irkutsk : Irkutsk State Linguistic University Press.
- Sobolev, Yu. V. (2008). *Repressivnaya poetika kak fenomen kul'tury* [Repressive poetics as a phenomenon of culture]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Omsk: Siberian State Technological University.
- Tataru, L. V. (2009). Tochka zreniya i ritm kompozitsii narrativnogo teksta (na materiale proizvedeniy Dzh. Dzhoylsa i V. Vulf) [Point of view and rhythm of composition in a narrative (Drawing from an analysis of works by J. Joyce and V. Wolf)]. Doctoral in Philological sci. diss. Saratov: Saratov State University.
- Florensky, P. A. (2000). Obratnaya perspektiva [Reverse perspective]. *Svyashchennik Pavel Florensky. Soch. V 4-kh tt.* [Priest Pavel Florenskiy. Essays in 4 volumes]. (Vol. 3 (1), pp. 46–98). Moscow : Mysl' Press.
- Shenderovich, V. (2014). *Putin i devochka na kon'kakh* [Putin and the girl on skates]. Retrieved July 30, 2019 from <<https://echo.msk.ru/blog/shenderovich/1255508-echo/>>.
- Comuzzi, L. (2012 / 2014). Lyric Poetry as a Narrative Speech Genre: On the dialogue between genre theory and cognitive science. *Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology* (AJCN), 7–8. Retrieved July 25, 2019 from <http://cf.hum.uva.nl/narratology/issue/7/a12_Ludmila_Comuzzi.html>.
- Jones, A. (2013). NFL faces national protest. *INFOWARS*. Retrieved July 10, 2019 from <<http://www.infowars.com/nfl-faces-national-protest/>>.
- Winkler, A. (2013). Gun nuts find a new target: The NFL. *The New Republic*. Retrieved July 15, 2019 from <<http://www.newrepublic.com/article/115834/nfl-bans-gun-ad-two-americas-favorite-things-go-war>>.